

Глава 6 ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ

В современной литературе понятие «модернизация» употребляется в различных смыслах: 1) для обозначения широкого многовекового перехода от традиционности к современности, от аграрного к индустриальному обществу (хронологически совпадающего с переходом от Средневековья к Новому и Новейшему времени); 2) многовариантного процесса, в ходе которого отставшие догоняют ушедших вперед; 3) для характеристики преобразований, совершенствований, реформ, внедрения инноваций, которые осуществляются в современных уже современных обществах в ответ на новые вызовы; 3) для объяснения усилий, предпринимаемых странами третьего мира (далее – ТМ) с целью приблизиться к характеристикам наиболее развитых обществ; 4) для описания трансформаций, переживаемых постсоциалистическими странами.

Модернизация в первом, широком, смысле слова, как движение от «традиционности» к «современности» (в той или иной степени включающее в себя и все прочие интерпретации), трактуется исследователями как протяженный, охватывающий несколько столетий всеобъемлющий исторический процесс инновационных мероприятий, обусловленный действием в первую очередь факторов внутреннего происхождения (эндогенных), который, в свою очередь, может быть представлен как совокупность подпроцессов: индустриализации, урбанизации, бюрократизации, профессионализации, рационализации, демократизации, становления современных ценностно-мотивационных механизмов, образовательной и коммуникативной революций. В ходе модернизации аграрные, традиционные общества трансформируются в индустриальные, современные, что связано с развитием передовой индустриальной технологии, политических, культурных и социальных механизмов, соответствующих поддержке, регулированию и использованию этой технологии (Побережников 2006а).

Теоретические предпосылки становления парадигмы модернизации

Наибольшее влияние на формирование модернизационной перспективы оказали эволюционизм и структурный функционализм. В рамках эволюционного подхода XIX в. (Г. Спенсер, Ф. Теннис,

Э. Дюркгейм, Г. Мэн) был детально разработан дихотомический принцип радикального противопоставления традиционного («агркультурного») и современного («индустриального») обществ, который лег в основу модернизационной схемы. Кроме того, классическая модернизационная парадигма усвоила ряд характерных черт эволюционной теории: социальные изменения однонаправлены, то есть человеческое общество безвариантно движется вдоль одной линии, от низших уровней к высшим, от примитивного к развитому, продвинутому государству, то есть судьба социальной эволюции predetermined; движение к финальной стадии в развитии человечества оценивается положительно и означает прогресс, рост производительных сил, гуманизма и цивилизованности; социальные изменения характеризуются как медленные, постепенные, пошаговые, эволюционные, а не революционные (необходимы столетия для завершения процесса перехода от простых, примитивных к сложным, современным обществам).

Многие выдающиеся представители модернизационной перспективы воспитывались в рамках функционалистской теории, в связи с чем их штудии неизбежно приобрели и функционалистскую окраску. Наиболее ощутимо воздействие на модернизационную парадигму структурного функционализма Т. Парсонса (2000; 2002). Ключом к пониманию теоретических построений Парсонса является органическая метафора, то есть уподобление человеческого общества биологическому организму. Органическая аналогия привела Т. Парсонса к формулированию концепта «гомеостатического равновесия». Биологический организм всегда находится в однообразном состоянии; если одна его часть меняется, другие также должны меняться соответствующим образом, чтобы сохранить равновесие и уменьшить напряженность. В обществе, по мнению Т. Парсонса, также имеют место постоянные взаимодействия между институтами с целью поддержания гомеостатического равновесия. Концепт «гомеостатического равновесия» помогал объяснять социальные изменения как цепные реакции на сдвиги, происходившие в одном из общественных секторов.

Возможно, наибольшее влияние на формирование теорий модернизации оказала разработка в начале 1950-х гг. Т. Парсонсом и Э. Шилзом так называемых «типовых переменных» для дифференциации «традиционности» и «современности». «Типовые переменные» структурируют проблемы выбора, которые встают перед

актором (действителем), и классифицируют возможные пути их решения. По Парсонсу – Шилзу, существует пять наборов типовых переменных, характеризующих ориентации традиционного и современного состояния соответственно: 1) аффективность vs аффективная нейтральность; 2) партикуляризм vs универсализм; 3) коллективистская ориентация vs индивидуалистская ориентация; 4) приписка (от английского *ascription* – приписывание) vs достижение; 5) функциональная «диффузность» vs функциональная специализация. Модернизационная парадигма заимствовала из функционалистской теории акцент на взаимозависимость социальных институтов, значимость типовых переменных на культурном уровне и имманентного процесса изменений через гомеостатическое равновесие.

Эволюция модернизационной парадигмы

Модернизационная парадигма была сформулирована в середине XX в. в условиях распада европейских колониальных империй и появления «молодых наций» в Азии и Африке, вставших перед проблемой выбора путей дальнейшего развития. Собственно программа модернизации (ускорения перехода от традиционности к современности) была предложена учеными и политиками США и Западной Европы странам ТМ в качестве альтернативы коммунистической ориентации. Во второй половине 1950 – начале 1960-х гг. различные аналитические течения и теоретические традиции объединились в единую междисциплинарную компаративную перспективу (теория, или точнее – теории, модернизации), которая казалась особенно полезной для обеспечения толчка в развитии стран ТМ.

В целом модернизационной парадигме 1950–1960-х гг., которую можно назвать классической (Rostow 1960; Apter 1965; Bellah 1965; Lerner 1965; Eisenstadt 1966; Levy 1966; Black 1975), было присуще фокусирование исследовательского интереса на проблематику развития, факторов и механизмов перехода от традиционности к современности; проведение анализа преимущественно на страновом, национальном уровне; использование в качестве ключевых понятия «традиция» и «современность»; оперирование эндогенными переменными, такими как социальные институты и культурные ценности; положительная оценка самого процесса модернизации как прогрессивного и перспективного, существенно расширяющего потенциал человеческих возможностей.

В рамках созданной модели процесс модернизации рассматривался как всеобъемлющий, связанный с «революционными» по значимости, радикальными трансформациями моделей человеческого существования и деятельности (характеристику классической модели см.: Huntington 1976: 30–31). Модернизации присваивался признак комплексности, что означало несводимость ее к какому-либо одному измерению. Сторонники классической версии теории модернизации признавали, что переход от традиционности к современности вызывает изменения практически во всех областях человеческой мысли и поведения, порождая процессы структурно-функциональной дифференциации, индустриализации, урбанизации, коммерциализации, социальной мобилизации, секуляризации, национальной идентификации, распространения средств массовой информации, грамотности и образования, становления современных политических институтов, рост политического участия. В рамках данного подхода модернизация рассматривалась как системный имманентный процесс, интегрировавший в связанное целое факторы и атрибуты модернизации. Модернизация характеризовалась как глобальный процесс, который обеспечивается как распространением современных идей, институтов и технологий из европейского центра по всему миру, так и эндогенным развитием неевропейских сообществ. Процесс модернизации изображался как линейный; соответственно все общества можно было распределить вдоль оси, идущей от традиционности к современности. Представители классической версии рассматривали процесс модернизации как эволюционный, протяженный по скорости осуществления «революционных» изменений. Предполагалась стадийность модернизации, которая должна была осуществляться в рамках определенных стадий или фаз. В контексте классической модели модернизация рисовалась как необратимый и прогрессивный процесс унификации, постепенной конвергенции обществ. Таким образом, классическая теоретическая схема требовала рассмотрения модернизации как единого универсального восхождения обществ от недостаточной развитости (традиционности) к современности и развитости согласно универсальным закономерностям эндогенного характера (метафора эскалатора способствует пониманию смысла данного подхода так же хорошо, как и пониманию классического эволюционизма).

В рамках модернизационной теории параметры традиционного и современного обществ характеризовались как диаметрально проти-

воположные. Предполагалось, что в процессе модернизации должен произойти полный демонтаж традиционного общества, перестройка его институциональных и социокультурных основ. При разработке проблем модернизации осуществлялись попытки идентификации отличительных черт *традиционного* и *современного* обществ. Собственно параметры того и другого и выступают критериями модернизационного процесса. Общество, обладающее характеристиками современного, рассматривается как модернизированное. Соответственно традиционное общество такими параметрами обладать не должно. Существенное различие между современными и традиционными обществами заключается, как считало большинство теоретиков модернизационной парадигмы, в большем контроле современного человека над своим природным и социальным окружением. В свою очередь этот контроль основывается на более широком внедрении в практику научных и технологических знаний.

Ф. Саттон суммировал параметры «агрикультурного» и «индустриального» обществ. Первое, по его мнению, характеризуется: 1) доминированием аскриптивных (предписанных, а не усвоенных благодаря своим личным качествам способностей), партикуляристских, диффузных моделей поведения; 2) стабильностью местных групп и ограниченной пространственной мобильностью; 3) относительно простой и стабильной «профессиональной» дифференциацией; 4) «почтительной» системой стратификации. «Индустриальному» обществу, как считает Ф. Саттон, присущи: 1) доминирование универсалистских, специализированных, достижительских норм; 2) высокая степень социальной мобильности; 3) высокоразвитая профессиональная структура, изолированная от прочих социальных структур; 4) «эгалитаристская» классовая система, основанная на общих моделях профессионального достижения; 5) превалирование «ассоциаций», функционально специализированных, неаскриптивных структур (Sutton 1963: 67; 1966: 24–25).

М. Леви была продолжена работа по идентификации параметров традиционного (относительно немодернизированного) и современного (относительно модернизированного) обществ. Сравнив те и другие, автор пришел к выводу о том, что они существенно различаются по ряду признаков. Традиционному обществу присущи: 1) низкая специализация организации, компартиментализация (изоляция, замкнутость, отделение) жизни; 2) низкая взаимоза-

висимость организаций (высокий уровень самообеспеченности, самодостаточности); 3) акцент в сфере социальных отношений и культурных норм на традицию, партикуляризм, функциональную диффузность; 4) низкая степень централизации; 5) неразвитость денежного обмена и рынка; 6) превалирование семейных связей, норм; непотизм (кумовство, семейственность, протекция родственникам) как ценность; 7) односторонний поток продуктов и услуг из сельской местности в города.

К характеристикам относительно модернизированного общества соответственно можно отнести: 1) высокую специализацию организации; 2) высокую взаимозависимость организаций; 3) рационализм, универсализм, функциональную специализацию как ведущие социокультурные нормы; 4) высокую степень централизации; 5) высокую степень развития денежного обмена и рынка; 6) изолирование, отделение бюрократии от прочих контактов; 7) обоюдный поток товаров и услуг между городом и деревней (Levy 1965).

Подобный дихотомический подход формировал крайне пессимистический взгляд на перспективы использования интегративных механизмов, существовавших в традиционном обществе, в контексте модернизации. Традиционные институты и ценности рассматривались в качестве барьеров, которые в ходе модернизации должны подвергнуться эрозии, трансформации.

Классическая модернизационная перспектива ориентировалась на опыт западной «атлантической» цивилизации и слабо учитывала многообразие цивилизационного опыта за пределами Западной Европы и Северной Америки. К существенным недостаткам данного подхода необходимо отнести недооценку меняющихся условий международной среды для конкретных обществ, стремящихся модернизироваться. Упрощенным представляется и эволюционистское представление о единой для всех лестнице к высотам современности, исключающее возможности «параллельного» развития или «неразвития» («недоразвития»).

Второй этап развития модернизационной парадигмы (конец 1960-х – 1970-е гг.) протекал в благоприятном международном контексте. Реализация на практике – в странах ТМ – программы модернизации столкнулась с непредвиденными трудностями. Несмотря на то, что элиты «новых наций» в большинстве своем откровенно и настойчиво стремились модернизировать свои страны, институциональные структуры и коллективная ментальность по-

следних зачастую оказывались неадекватными задачам модернизации. Нередко местные элиты, декларируя на словах приверженность программам модернизации, в действительности заботились лишь о собственном обогащении. Все это зачастую приводило к усилению традиционных структур и лояльностей.

Сбои в осуществлении модернизационных программ, идеологические факторы, а также изменение политического климата на Западе в конце 1960-х и начале 1970-х гг. сопровождалось массовой критикой теорий модернизации, которые на некоторое время (в 1970-е гг.) были отодвинуты в тень другими теориями, в частности теорией зависимости и мир-системным анализом.

Оппоненты обратили внимание на многие ошибочные и некорректные эволюционистские и функционалистские допущения, методологические проблемы и идеологическую тенденциозность модернизационной перспективы: западоцентризм, упрощенчество, наивный эволюционизм, дихотомическое – примитивное – видение проблемы взаимоотношений «традиции» и «modernity» (эпоха Модерна, которую у нас обычно называют Новым временем или стадией индустриального общества), неспособность объяснять реальные социальные сдвиги. Данная критика оказалась полезной для развития и совершенствования модернизационного подхода. Впоследствии его сторонники направили собственные усилия на изживание неприемлемых теоретических посылок, в особенности эволюционного телеологизма и жесткого противопоставления традиционности и современности.

1980-е гг. ознаменовались своеобразным возрождением модернизационной перспективы, которая постепенно дистанцировалась от телеологизма, расширяла диапазон учитываемых факторов исторической динамики, переходила от линейных к многолинейным интерпретациям развития. Динамику развития подхода можно рассматривать в русле избывания первоначальной односторонности теоретических представлений и движения в сторону более панорамного, контекстного и исторического объяснения процессов социальных изменений. В модернизационных исследованиях посткритического периода произошел переход от однозначно негативного отношения к социокультурной традиции к более гибкой и конструктивистской трактовке роли традиций в ходе модернизационного перехода (Gusfield 1973: 333–341; Осипова 1985). Изменение оценок роли и места традиций в процессе модернизации привело к появлению ряда новых исследовательских

тем, а также к большему вниманию по отношению к традиционным чертам (народные религии, семейственность). Благодаря более внимательному изучению широкого спектра национальных культурных традиций сторонники школы модернизации отказались от одностороннего представления о модернизации как движении в сторону западных институтов и ценностей и пришли к убеждению о возможности собственных оригинальных путей развития.

Произошли и определенные методологические сдвиги. Вместо типологизирования и ведения дискуссий на достаточно высоком уровне абстракции сторонники модернизационного подхода стали проявлять склонность к рассмотрению конкретных ситуаций. Исследования 1980-х гг. отличались большим историзмом. Вместо того, чтобы иллюстрировать теорию конкретными примерами, специалисты использовали теорию для объяснения уникальных конкретных ситуаций. История возвращалась в работы, дабы продемонстрировать специфичность развития в конкретных странах. Нередко углубленные ситуационные исследования дополнялись компаративной перспективой с целью выяснения, например, почему один и тот же институт играет различные роли в разных странах. Больше, чем прежде, внимание стало уделяться внешним, международным, факторам. Гораздо больше места, чем прежде, стало отводиться феномену конфликтов.

Примером новых модернизационных штудий 1980-х гг. может служить исследование С. Хантингтона, посвященное тенденциям развития демократии в развивающихся странах. В данной работе автор в известном смысле полемизирует с прямолинейными схемами демократизации, распространенными в исследованиях классического периода, в частности с оптимистической гипотезой Сеймура Липсета (Lipset 1963: 27–63), согласно которой экономическое развитие непосредственно ведет к демократии (причина – экономическое благосостояние; следствие – демократия). С. Хантингтоном была предложена более сложная концептуальная схема демократизации, опять же структурного характера, которая расширила спектр факторов, приводящих в конце концов к инсталляции демократических режимов (Huntington 1984: 193–218; Хантингтон 2003a). В дополнение к экономическому росту, уже присутствовавшему у С. М. Липсета, Хантингтон включил в свою модель социально-экономическую структуру, внешнюю среду (таким обра-

зом, здесь учитывалось воздействие экзогенных факторов) и культурный контекст.

Новизна подхода С. Хантингтона состояла также в том, что, борясь против социологических автоматизмов и пытаясь преодолеть ряд противоречий между теориями и реальностью (отсутствие демократии там, где она вроде бы в силу достигнутых экономических успехов уже должна была установиться; или, наоборот, демократизации при дефиците предпосылок), он предложил новую концепцию зоны перехода (транзиции, транзита), в которой по мере экономического развития традиционным политическим институтам становится все труднее обслуживать новые функциональные потребности, что вынуждает общество делать выбор из множества альтернатив по поводу собственного политического будущего. То есть экономическое развитие само по себе не в состоянии детерминировать процесс замены традиционных учреждений определенной моделью политической системы, например демократической; выбор осуществляют люди, в первую очередь элиты, которые демократическому устройству могут предпочесть деспотический режим, авторитаризм, тоталитарную диктатуру, военную хунту и т. д.

Разработка современной версии модернизационных исследований (неомодернизационный анализ) связана с именами Э. Тириакияна, П. Штомпки, В. Цапфа, У. Бека, К. Мюллера и др. (вторая половина 1980-х – 2000-е гг.). Теоретическое ядро современной версии модернизации включает следующие положения (Tiryakian 1985: 131–147; Müller 1992: 109–150; Grancelli 1995; Штомпка 1996; Цапф 1998: 14–26; Инглегарт 1999: 267–268; Бек 2000; Цапф и др. 2002: 19–37 и др.):

1. Возможность национальных моделей модернизации, естественно, имеющих местную социокультурную окраску.

2. Признание конструктивной, положительной роли социокультурной традиции в ходе модернизационного перехода; придание ей статуса дополнительного фактора развития.

3. Больше, чем прежде, внимание внешним, международным факторам, глобальному контексту. Модернизация рассматривается современными исследователями скорее как эндогенно-экзогенный процесс (Р. Робертсон). Подобное видение существенно отличается от классического, в рамках которого ученые анализировали пре-

имущественно внутренние переменные, такие как социальные институты и культурные ценности.

4. Отход от эволюционистского телеологизма. Акцентирование внимания не на анонимных законах эволюции, а на роли социальных акторов (коллективов и индивидов), всегда обладающих возможностью обеспечить рост или трансформацию ситуации посредством волевого вмешательства.

5. Инкорпорация в теоретическую модель фактора исторической случайности; признание необходимости рассмотрения трансформационных процессов в рамках конкретной «исторической констелляции». Акцент на пространственно-временной горизонт акторов, в соответствии с которым выстраиваются новые линии развития.

6. Отказ от трактовки модернизации как единого процесса системной трансформации. Признание возможности различного поведения сегментов конкретного общества в условиях модернизации.

7. Осознание некорректности интерпретации модернизации как непрерывного процесса. Признание необходимости более внимательного отношения к такому аспекту динамики модернизации, как циклическая природа данного процесса.

Итак, классическая и современная версии модернизационного анализа существенно разнятся. Модификация теоретических основ модернизационного подхода способствовала превращению первоначально достаточно односторонней и абстрактной теоретической модели, не игравшей существенной роли в эмпирических исследованиях, в многомерную и эластичную по отношению к эмпирической реальности. Модернизационная перспектива выжила за счет принесения в жертву серьезных посылок, входивших в состав ее теоретического ядра. К числу наиболее важных особенностей эволюции школы модернизации можно отнести: 1) пересмотр роли и места традиционного социокультурного и институционального контекста модернизации, придание ему большего значения в сравнении с ранними концептуальными схемами; 2) переход от достаточно абстрактного теоретизирования к рассмотрению конкретных ситуаций; 3) рост внимания к конфликтам в процессе модернизации и влиянию на данный процесс внешних (по отношению к изучаемой стране) факторов; 4) инкорпорацию в теоретическую мо-

дель фактора исторической случайности; 5) акцент на циклическую природу процесса модернизации.

Механизмы модернизации

Один из механизмов модернизации – рост нормы накопления – был обоснован в классическом исследовании У. Ростоу «Стадии экономического роста» (Rostow 1956; 1960). В своем исследовании он выступил как сторонник либерального экономического детерминизма, уверенный в том, что достижение «высокого массового потребления» автоматически ведет к исчезновению институциональных различий между обществами и направляет их в сторону модели, достигнутой странами ранней модернизации.

По мнению У. Ростоу, существует пять основных стадий экономического развития: 1) традиционное общество; 2) подготовка предпосылок для «взлета»; 3) стадия «взлета»; 4) «зрелость»; 5) «век высокого потребления», – которые начинаются традиционным обществом и завершаются обществом массового потребления. Центральное место в его схеме занимает так называемая стадия «взлета» (*takeoff stage*). Вероятно, что озарение, связанное с выделением данной стадии, посетило Ростоу в то время, когда он сидел в самолете. Действительно, вначале самолет неподвижен, затем он начинает медленно двигаться, разгоняясь на летном поле, и, наконец, взмывает в небо. По мнению Ростоу, развивающиеся страны демонстрируют подобную же траекторию движения в ходе своего развития. Первая стадия – традиционная – характеризуется минимумом социальных изменений. Затем изменения нарастают – появляется группа новых предпринимателей, растет рынок, развиваются новые отрасли промышленности и т. д. Ростоу идентифицирует эту стадию как «подготовительную для толчка». Это действительно стадия подготовки: хотя экономический рост уже начался, однако одновременно наблюдаются понижение смертности и рост численности населения. Это еще недостаточный импульс для самоподдерживающегося экономического роста, поскольку увеличивающееся население потребляет все экономические излишки.

По мнению У. Ростоу, необходим дополнительный толчок, чтобы вывести общество за пределы подготовительной стадии. Таким стимулом может быть политическая революция, преобразующая наиболее важные институты; технологическая инновация, например такая, как внедрение паровой машины в процессе промыш-

ленной революции; благоприятное в плане цен и растущего экспортного спроса внешнее окружение. Далее, согласно Ростоу, после прохождения подготовительной стадии страна, желающая добиться самоподдерживающегося экономического роста, должна создать соответствующую структуру для осуществления толчка: капитал и ресурсы должны быть мобилизованы для того, чтобы поднять удельный вес производственных инвестиций до 10 % национального дохода, иначе экономический рост не сможет догнать рост народонаселения.

Производственные инвестиции могут первоначально поступить в наиболее передовые сектора экономики, а затем быстро распространиться и в других секторах. Как только экономический рост приобретает характер автоматизма, достигается четвертая стадия: движение к зрелости. Последнюю стадию Ростоу определяет как высокое общество массового потребления. Необходимо признать, что идеи У. Ростоу вызвали плодотворные научные дискуссии и таким образом стимулировали развитие подходов в рамках теории модернизации и экономического роста.

Социологический подход при объяснении механизмов модернизации предложил Н. Смелзер (Smelser 1966: 110–121). По его мнению, стержнем модернизации является структурная дифференциация: в процессе модернизации сложные структуры, выполнявшие прежде множество функций, делятся на специализированные структуры, каждая из которых может отвечать за выполнение одной функции; новая совокупность специализированных структур в целом выполняет те же функции, что и прежние структуры, но с большей эффективностью.

Классическим примером структурной дифференциации является институт семьи. В прошлом традиционная семья имела усложненную структуру – она была большой и многопоколенной, включала родственников, живущих под одной крышей. К тому же она была многофункциональной, отвечая не только за репродукцию и эмоциональную поддержку, но и за производство (домохозяйство), образование (неформальная родительская социализация), социальное благополучие (забота о старших), религию. В современных обществах институт семьи подвергается структурной дифференциации. Структура семьи существенно упростилась: она стала небольшой по размерам и нуклеарной. Современная семья утратила множество прежних своих функций. Функция трудоустройства

перешла к корпоративным институтам. Система формального образования обеспечивает школьное обучение детей. Правительство взяло на себя ответственность за обеспечение благоденствия и т. д. Каждый институт специализируется на выполнении одной функции, и в совокупности они выполняют эти функции более качественно, чем это делала прежде семейная структура. Современное общество более производительное, дети обучаются лучше, а нуждающиеся получают лучшее социальное обеспечение, чем прежде.

Модели «пионерной» и «догоняющей» модернизации

Теория модернизации различает органическую и неорганическую модели развития (или «общества-пионеры», «общества-новаторы» и «отсталые общества», различающиеся источниками модернизации, соотношением эндогенных и экзогенных факторов развития). Возможно, более корректным было бы идентифицировать эти модели модернизации как «пионерная» и «догоняющая» (см.: Лейбович 1996: 57–63). Они едины по содержанию, направленности и исторической обусловленности развития, но различаются историческим временем («догоняющая» модернизация – хронологически более поздняя); соотношением системных (достижения продвинутых стран, которые надлежит освоить в процессе взаимодействия) и исторических («индигенные», коренящиеся в самом обществе, вызревшие в нем еще в домодерный период) источников модернизации (в ходе «догоняющей» модернизации превалируют системные источники, в контексте «пионерной», естественно, – исторические); соотношением акторов модернизации (для «догоняющей» модернизации это в первую очередь те социальные слои, которые более тесно связаны с внешним миром: властная элита, интеллектуалы, торговая буржуазия, ориентированная на внешние рынки; для «пионерной» – предприниматели, фермеры, органическая интеллигенция); характером институтов модернизации (рационально-рыночные институты, такие как рынок, конкуренция, образование, – в контексте «пионерной» модернизации; государственный аппарат – в рамках «догоняющей»); возникающими социальными проблемами (в рамках «догоняющей» модернизации создаются условия для специфических конфликтов: среди представителей элиты между государственными чиновниками и сторонниками рынка, добивающимися для себя большей свободы; противостояние традиционалистских сил насаждаемым, обыкновенно импортным, ин-

ститутам, не укорененным в обществе; конфликты между «верхним», элитным, «этактистским» и «низовым», народным, «индигенным», «нонэтактистским» потоками модернизации).

«Общества-пионеры» (органическая модель) осуществляют модернизацию комплексно, опираясь на органически, эволюционно разработанные в недрах собственной истории культурные традиции и социальные институты, решая задачи, сформулированные их собственным прошлым, а «отсталые общества» вынуждены фрагментарно реагировать на внешние вызовы, заимствовать чужой опыт, в том числе технологии, институты, культурные ценности, не всегда совместимые с собственными традициями. Но при этом теория модернизации, признающая трудности «неорганической» модели, все же с оптимизмом смотрит на возможности развития стран, относимых к данному типу, и даже видит определенные плюсы в отсталости, связанные с возможностью использовать опыт ушедших вперед и не повторять сделанных когда-то ими ошибок.

Типы и пути модернизации

Сравнительно-исторический подход в рамках модернизационной перспективы (С. Блэк, С. Эйзенштадт, Д. Растоу, С. М. Липсет, Б. Мур, Р. Бендикс и др.) направлен на выявление: 1) общих стадий или фаз, через которые должны проходить общества («вертикальная» классификация); 2) особых путей, которыми могут двигаться общества («горизонтальная классификация»); 3) комбинаций подобных «вертикальных» и «горизонтальных» категориальных классификаций.

Для понимания закономерностей модернизации целесообразно использовать концепцию «эшелонов развития капитализма» А. Гершенкрона (Gerchenkron 1962). А. Гершенкрон выделяет три эшелона развития мирового капитализма. Для первого (к которому он относит Западную Европу и Северную Америку) характерно длительное спонтанное развитие предпосылок капитализма. Ведущую роль играл частный сектор, развитие которого поощряло государство. Длительные сроки развития первого эшелона позволили ему сформировать предпосылки рыночной экономики постепенно, шаг за шагом.

Для второго эшелона (к которому он относит Восточную Европу, Россию, Турцию и Японию) история не предоставила так много времени. Эти страны были вынуждены догонять очаги пер-

вичного капитализма, поэтому импульс развития рыночной экономики был сформирован не только внутри этих стран, но и под влиянием стран первого эшелона, которые к этому времени заняли ведущее положение в мире. В этой модернизации гораздо большую роль сыграло государство, значение которого по сравнению с первым эшеленом значительно возросло.

Для третьего эшелона (к которому Гершенкрон относит колониальную зависимую периферию, страны Азии и Африки) характерна неорганичность капиталистического развития. Эти государства оказались в роли догоняющих. Их частные компании оказались заметно слабее тех, которые уже существовали в странах Западной Европы и Северной Америки, поэтому им на помощь пришло государство. Его функции заметно расширились, а роль возросла. Однако даже участие государства не компенсировало отставание от передовых эшелонов и не предотвратило зависимое положение на мировом рынке.

Сторонники модернизационного подхода признают возможность различных путей перехода от традиционного к современному обществу, то есть различные национально-страновые последовательности решения в процессе модернизации тех или иных задач, разные варианты соотношения традиционализма и инновационизма и т. д. Это можно проиллюстрировать, опираясь на типологию модернизационных процессов, предпринятую Б. Муром (Moore 1966). Центральным моментом его концепции является констатация сотрудничества или противоборства между различными социальными группами. Характер сотрудничающих между собой групп и само их сотрудничество определяют структуру общества и его развитие. Б. Мур указал на роль буржуазии, крестьянства и коалиций этих групп с дворянством и монархом. Он выделял три модели (траектории) модернизации: 1) под руководством буржуазии (Великобритания, США); 2) под руководством аристократии (Германия, Япония); 3) крестьянскую (Россия, Китай). Следовательно, для каждого модернизирующегося общества существует возможность выбора пути: через строительство, например, либерального капитализма, реакционного фашизма или революционного коммунизма.

Другую типологическую схему предложил С. Блэк (Black 1975: 96–128). В качестве критериев типологизации он предлагает использовать следующие параметры: 1) время перехода политической власти от традиционных к модернистским лидерам относительно других обществ (ранее или позднее); 2) эндогенная или эк-

зогенная природа непосредственного политического вызова современности; 3) непрерывность или кардинальные перегруппировки территории и населения на протяжении эпохи Нового времени; 4) суверенность или продолжительные периоды колониального управления в истории общества; 5) наличие на момент вступления общества в современную эпоху развитых институтов, готовых в значительной степени адаптироваться к функциям эпохи Модерна (эпохи индустриального общества), или отсутствие по существу подобных институтов и необходимость их заимствования от более развитых современных обществ.

Целью типологии на основе выделенных С. Блэком критериев является, таким образом, сопоставление обществ в соответствии с характерными политическими проблемами, с которыми сталкивались модернистские лидеры в процессах аккумуляции власти и осуществления собственных программ, и группировка стран в типы по степени сходства в решении ими указанных проблем. С. Блэк выделяет «семь типов политической модернизации» среди современных ему обществ.

1. Страны ранней самостоятельной эволюционной комплексной модернизации, отличающиеся ярко выраженной внутренней природой вызова современности, высокой степенью континуитета состава территории и населения в эпоху Нового времени и оптимальной адаптивностью традиционных институтов к модернистским функциям (Великобритания и Франция).

2. «Филиалы» Великобритании и Франции в Новом Свете, для которых были характерны более поздние сроки модернизации, внутренняя направленность модернизационных вызовов, наличие развитых институтов и не обремененной наследием прошлого подвижной социальной структуры, способных адаптироваться к функциям современности, наличие обширных и неосвоенных пограничных регионов, где в избытке были представлены земля и другие ресурсы, фактор иммиграции, создававший проблему ассимиляции, фундаментальные перегруппировки состава территорий и населения и продолжительные периоды колониальной зависимости на начальном этапе (США, Канада, Австралия и Новая Зеландия).

3. Разнородная группа стран Европы, в которых консолидация модернистского руководства произошла после Французской революции под прямым или косвенным воздействием ее импульса, но при этом имела место длительная внутренняя разработка модернистских идей и институтов, составивших вклад фундаментальной зна-

чимости в формирование современного образа жизни, еще в предшествующую эпоху были разработаны институты, способные адаптироваться к функциям современности, наблюдались продолжительные периоды насильственной перегруппировки территорий и состава населения, трудный процесс строительства наций и социальной интеграции (Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Швейцария, Германия, Италия, Испания, Дания, Норвегия, Швеция).

4. «Филиалы» европейских обществ третьего типа в Новом Свете, для которых были характерны более поздний переход к модернизации, гораздо большая зависимость от иностранных влияний, достижение национальной независимости в неокOLONIALИСТСКОЙ форме, имевшей тенденцию увековечивать традиционалистские модели жизни, численное доминирование неевропейского населения, блокировавшее расширения эффективного гражданства и способствовавшее растущему расколу между немногочисленными богатыми жителями европейского происхождения и массой относительно бедного полу- или неевропейского населения (страны Латинской Америки).

5. Также весьма неоднородная группа обществ, сумевших отстоять независимость благодаря длительному опыту централизованного бюрократического управления, своеобразной эффективности традиционных правительств, созданию территориальных и демографических основ своих государств в домодернизационный период, модернизировавшихся самостоятельно и постепенно, под эгидой собственных традиционалистских правительств, но под косвенным влиянием обществ более ранней модернизации, сохранивших в значительной степени изначальный состав территории и населения (Россия, Япония, Китай, Иран, Турция, Афганистан, Эфиопия и Таиланд).

6. Бывшие колонии Азии и Африки, население которых сумело разработать достаточно высоко развитые традиционные культуры (на основе ислама, индуизма и буддизма), ставшие залогом относительно успешного взаимодействия с культурами современных «опекунских» обществ в процессе их адаптации (в целом крайне сложной и незавершенной) к модернистским функциям.

7. Ряд районов Африки к югу от Сахары, бывших колоний, не разработавших собственных достаточно развитых религий, систем письменности, политических институтов к тому времени, когда они столкнулись с вызовом современности, вынужденных в силу этого напрямую заимствовать у более современных обществ модернистские идеи и учреждения.

Проблема различия путей развития широко обсуждается и в литературе 1990-х гг. Так, шведский исследователь Ёран Терборн пишет о четырех «дверях» или «путях в/через модернизацию» (Therborn 1995: 5–7):

- 1) путь эндогенной модернизации в Западной Европе;
- 2) путь, который прошли новые общества Северной и Южной Америки и Австралии, которые сами возникли в результате транс-континентальной миграции;
- 3) путь через колонизацию традиционных обществ европейцами, через навязанную колониализмом открытость (страны «колониальной зоны» – от Северо-Западной Африки до Папуа – Новой Гвинеи);
- 4) модернизация, навязанная извне, под влиянием западной цивилизации (Япония, Россия, Ближний Восток, Турция, Китай).

Типологизируя трансформирующиеся общества, В. Цапф (1998: 16–17) выделяет:

- 1) переход к демократии и рынку в Западной Германии, Японии и Италии после 1945 г. под надзором и при материальной поддержке держав-победительниц;
- 2) «договорный переход» от авторитаризма к демократии в Испании, Португалии, Греции после 1974 г.;
- 3) в известном плане также «договорные переходы» в странах Латинской Америки;
- 4) самостоятельное развитие «в рамках мировой системы капитализма» (Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Таиланд, Малайзия, Индонезия);
- 5) перевод социалистической системы в действующую демократию и рыночную экономику на примере Восточной Германии (1990-е гг.);
- 6) трансформация стран Восточной Европы в 1990-е гг.;
- 7) «социалистическая рыночная экономика» КНР – альтернатива переходу к демократии и рыночной экономике;
- 8) страны исламского фундаментализма – также альтернативный вариант переходу к демократии и рыночной экономике.

Теория модернизации в отечественной науке

С 1990-х гг. модернизационный подход стал широко использоваться отечественными обществоведами для объяснения особенностей российского перехода от традиционного к современному обществу. Интересные результаты в этом плане были получены в работах

специалистов различного профиля: историков, экономистов, социологов, культурологов, философов, политологов – А. С. Ахиезера, А. Г. Вишневого, Н. Н. Зарубиной, С. И. Каспэ, В. В. Керова, В. А. Красильщикова, О. Л. Лейбовича, Б. Н. Миронова, Н. А. Проскуряковой, В. Т. Рязанова, А. С. Сенявского, В. В. Согрина, В. Г. Федотовой, В. Г. Хороса и многих других исследователей.

Среди сторонников трактовки российской истории в модернизационном ключе можно выделить две интерпретационные модификации – оптимистическую и пессимистическую. Согласно первой, нашедшей наиболее яркое и ясное воплощение в работах Б. Н. Миронова (1999), история России трактуется как повторение, но своеобразное, истории Запада, то есть как движение в том же направлении, которым уже прошли Западная Европа и Северная Америка, только с некоторым опозданием. В основе концепции Б. Н. Миронова лежит идея «европейского происхождения» основ «русской государственности, быта и менталитета». Что же касается страновой специфики России, то она, по его мнению, заключалась в расколе культурного пространства на народную и элитарную культуры; в потребительской (минималистской) трудовой этике крестьянства; в широком распространении среди образованного общества антибуржуазных настроений и в слабой секуляризации массового сознания.

Согласно пессимистической модификации модернизационной интерпретации отечественной истории последняя трактуется как субоптимальная, если не катастрофическая, попытка выйти на нормальный западный путь развития: концепции контр- или псевдомодернизации, «околомодернизации», представленные в трудах А. С. Ахиезера (1991), В. Г. Хороса (1996), В. А. Красильщикова и др. (1994). Такой исторический «портрет» подразумевает аритмию и негармоничность развития, неэффективность политико-правовых и социальных институтов, социокультурный раскол в обществе, масштабную маргинализацию значительной части населения. Псевдомодернизация, как полагают сторонники данной концепции применительно к российской истории, приводила к обратным результатам: усилению бремени бюрократического аппарата, понижению уровня жизни и покупательной способности большинства населения, усилению немодерных черт российского общества.

Уральская школа под руководством академика В. В. Алексева разрабатывает конкретно-проблемную методологию изучения пространственно-временных особенностей российских модернизаций, акцентируя внимание на соотношении страновой и региональной

динамики, модернизации и имперского строительства, эндогенных и экзогенных факторов модернизации, цивилизационного своеобразия российских модернизаций (Алексеев и др. 1997; Алексеев 2000; 2004; Артемов 2006; Побережников 2006б; 2009; Алексеева 2007).

* * *

В целом необходимо обратить внимание на творческий характер разработок, осуществленных в русле модернизационного направления. Данная теоретическая перспектива не оставалась неизменной со времени ее первоначального оформления; дальнейшее ее развитие было обусловлено нарастанием сложности реальных модернизационных процессов, развитием теоретического оснащения гуманитарных наук. На протяжении второй половины XX и начала XXI столетия школа модернизации реагировала на модификации реальных процессов развития, расширяла свой исследовательский фокус, включая в орбиту внимания все новые сюжеты, совершенствовала свой познавательный инструментарий, учитывая, в частности, обновление методологии социальных и гуманитарных наук в целом.

Свидетельством влияния модернизационной перспективы может служить тот факт, что многие концепты, получившие детальную теоретическую разработку в ее рамках (традиция, инновация, традиционное и индустриальное общества, структурно-функциональная дифференциация, индустриализация, демократизация, рационализация, профессионализация, стадии роста и т. д.), находят широкое применение в научном дискурсе, в том числе в рамках конкурирующих теоретических направлений.

Рекомендуемая литература

- Алексеев В. В. 2004.** *Общественный потенциал истории*. Екатеринбург.
- Лейбович О. Л. 1996.** *Модернизация в России (к методологии изучения современной отечественной истории)*. Пермь.
- Миронов Б. Н. 1999.** *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства*. Т. 1–2. СПб.
- Опыт** российских модернизаций XVIII–XX века / Отв. ред. В. В. Алексеев. М., 2000.
- Побережников И. В. 2006.** *Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации*. М.
- Хантингтон С. 2003.** *Третья волна. Демократизация в конце XX века*. М.